

С.Е. ФЕДОРОВА

ТЕНИ ПРОШЛОГО

САМЫЕ СТРАШНЫЕ ТАЙНЫ НЕ ИСЧЕЗАЮТ.
ОНИ ВЗРОСЛЕЮТ ВМЕСТЕ С ДЕТЬМИ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Снежана Федорова

Тени прошлого

«Автор»

2026

Федорова С. Е.

Тени прошлого / С. Е. Федорова — «Автор», 2026

В маленьких городах зло редко приходит с криком. Чаще оно варит кофе, держит дверь, фотографирует школьные праздники, помогает в архивах и стоит чуть сбоку — там, где его никто не запоминает. Эдди Диксон — сын легендарного детектива и человек, которого в родном округе считают неудачником. Днём он чинит компьютеры, работает у плиты в закусочной и делает вид, что его жизнь давно закончилась. Ночью он выслеживает тех, до кого не дотянулся закон. Он не считает себя хорошим человеком. И, возможно, он прав. Когда прошлое возвращается через старую фотографию и вопрос о пропавших костях, Эдди приходится снова столкнуться с отцом, который всю жизнь ловил чудовищ, но не заметил, что одно растёт рядом. Однако правда оказывается страшнее семейной драмы: за исчезновением девочки, за архивами жертв, за чужими самоубийствами и за десятилетиями молчания стоит не один человек, а целая система.

© Федорова С. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава первая.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Снежана Федорова

Тени прошлого

Глава

Снежана Федорова

**ТЕНИ
ПРОШЛОГО**

Роман

Моему главному вдохновителю, первому читателю

и любви всей жизни. Спасибо, что веришь во все мои идеи

и помогаешь им реализовываться.

Глава первая.

Свои

«Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем.»

— Фридрих Ницше

Эдди

Я просыпаюсь не столько от будильника, сколько от боли в голове. Будильник просто добивает. Он дребезжит на тумбочке своим дешёвым металлическим звоном, будто маленькая злая тварь, которой нравится напоминать мне: утро всё-таки наступило, Эдди, время охоты.

В комнате ещё темно. За окном сереет дождь: холодный, липкий, омерзительный. Такие дожди особенно противны

в нашем городке, потому что здесь и без того всё выглядит так, будто давно сгнило, просто ещё не до конца провалилось под землю. Вся неприглядная серая грязь улиц, казалось, отражалась в них и нависала над домами. Мокрый асфальт с решетом из дыр, правильнее сказать грунтовая дорога с редким появлением асфальта, облупленные фасады единственной аптеки, она же магазин всего необходимого, виски и пива. Старая вывеска закусочной у шоссе: «У Пэм», оригинально, как и в любых таких же городках. Заправка на выезде из города, где собираются местные старики, которым смерть была бы большим подарком. Церковь с пустой парковкой по будням, да и по выходным тоже, единственный посетитель которой Инга, злобная старушенция, готовая терзать подростков с утра до заката. Трейлеры на окраине, куда же без них, где люди живут так, будто сама жизнь их когда-то забыла здесь и не вернулась.

Наш город стоит к северу от Техаса, на границе пыли, нищеты и привычки не задавать лишних вопросов. Из тех мест, где с тобой могут быть не знакомы, но всегда знают, чьим ты сыном был. По крайней мере точно и наверняка знают, чей я сын, великого детектива, практически местной звезды.

Пару секунд я лежу и пытаюсь вспомнить, кто я такой, без имени моего отца. Потом вспоминаю, отворачивание отступает. Меня зовут Эдди. Мне тридцать восемь. Я перебиваюсь случайной работой, подработками, мелким ремонтом компьютеров, разгрузкой, иногда готовлю у Пэм, если срочно нужны деньги. По выходным я пью дома дешёвый виски и отслеживаю людей — пададь.

Не всех, конечно. Только тех, кто, по моему мнению, рожден добычей для таких как я. Тех, после кого собаки жмутся к заборам, а дети слишком быстро говорят, что всё в порядке.

Пэм

«У Пэм» по утрам всегда пахло одинаково: горелым жиром, старым кофе и мокрыми куртками. Запах въедался в кожу, в волосы, в мысли. Если провести здесь достаточно времени, начинало казаться, будто весь мир устроен как эта закусочная: снаружи холодно, внутри душно, липко, и всё держится на честном слове, дешёвом кофе и привычке не задавать вопросов.

Я стоял у плиты и переворачивал бекон. Жир шипел, брызгал на руку, но я даже не морщился. Пэм что-то бубнила у кассы, пересчитывая мелочь и ругая поставщика булочек, будто он лично был ответственен за упадок нашей цивилизации. За окном дождь мазал серым по стеклу, парковка блестела, как свежая рана. Копы зашли в начале седьмого. Я услышал их ещё до того, как обернулся: по тому, как дверь распахнулась слишком уверенно, по тяжёлым шагам, по мокрой коже ремней и по голосам, в которых с самого утра уже сидело раздражение.

Шериф Хадсон и его шавка, Билли Ройс. Старый и молодой. Один — с лицом человека, который слишком давно всё понял и теперь просто дорабатывает до пенсии, второй — с тем выражением, какое бывает у мужчин, искренне верящих, будто значок делает их больше, умнее и опаснее, чем они есть на самом деле.

— Кофе, Пэм. Чёрный, — сказал Хадсон, стягивая с головы мокрую шляпу.

— Мне тоже, — добавил Билли, усаживаясь за стойку так, будто она принадлежала ему. — И покрепче. День, похоже, будет паршивый.

Пэм даже не подняла на них глаз. Она потянулась за кофейником, поставила две чашки на стойку и только после этого сухо бросила:

— У меня тут других дней не завозили.

В таких городках копам не улыбаются. Им просто наливают кофе и ждут, когда они допьют, зададут свои вопросы, испортят воздух своим присутствием и наконец свалят обратно под дождь. Я продолжал стоять у плиты, будто ничего не слышу. В этом городе меня вообще удобно было не замечать: сын великого детектива Диксона, который сам ни черта толком не добился, перебивается подработками, чинит чужие компьютеры, таскает коробки и иногда жарит яйца у Пэм, если срочно нужны деньги. Люди любят простые ярлыки, потому что с ними проще жить, проще спать и проще не думать о том, что у человека внутри может быть что-то ещё. Но слышал я всё.

Билли понизил голос, хотя в пустой утренней закусочной это было бессмысленно:

— Судмед подтвердил?

Хадсон помолчал. Не так, как молчат люди, которым нечего сказать, а так, как молчат те, кому не хочется произносить вслух то, что уже нельзя отменить.

— Подтвердил, — наконец ответил он.

— И что?

— Её не там ударили. Сначала оглушили, потом тащили к ручью. Она была ещё жива.

Пэм поставила перед ними чашки чуть резче, чем обычно, и кофе плеснул через край на стойку. Она уже знала, конечно. В таких местах новости расползаются быстрее газа, особенно если речь идёт о мёртвом ребёнке.

— Господи, — сказала она глухо, не глядя ни на кого. — Сколько ей было?

Хадсон не сразу ответил, и от этой задержки в закусочной стало ещё тише, хотя вокруг всё продолжало жить своим мерзким утренним шумом: дождь мазал серым по стеклу, жир шипел на сковородке, старый холодильник с пирогами дребезжал в углу так, будто внутри сидело что-то живое и очень хотело наружу.

— Девять, — сказал он.

Девять лет — возраст, в котором ребёнок ещё не должен знать, что мир умеет быть таким. Я представил не её лицо, потому что дети в подобных историях слишком быстро превращаются в символы для чужой скорби, а руки того, кто это сделал. Руки всегда говорят правду лучше лиц. Сбитые костяшки, обгрызенные ногти, спокойные движения, привычка держать пальцы расслабленно или, наоборот, сжимать их слишком крепко. Был ли он в ярости или делал всё размеренно? Паниковал потом или поехал домой, вытер ботинки, вымыл руки, сел в кресло и включил телевизор?

Вот о чём стоило спрашивать. Но копы почти никогда не умеют думать в правильную сторону. Они любят факты, потому что факты можно сложить в папку, пронумеровать, подшить и отнести начальству. Настоящая мерзость в папки не помещается, она всегда расползается по краям и пачкает пальцы.

— Берём всех по кругу, — сказал Билли. — Отчима, соседей, того парня с лесопилки. Как его... Харлан. На него же пару лет назад жалоба была.

— Можете отчима не трясать, — буркнула Пэм.

Я чуть повернул голову, потому что вот это уже было интереснее.

Билли медленно посмотрел на неё поверх чашки, и на его лице появилась та самая улыбка, с которой маленькие люди пытаются казаться опасными.

— Это у нас теперь кто говорит? Пэм из убойного отдела?

— Это у нас говорит женщина, которая двадцать лет кормит половину этого болота и видит, кто с каким лицом садится за стойку.

— Тебе виднее, конечно.

— Мне — да, — ответила Пэм спокойно, и от этого её голос прозвучал ещё жёстче.

Хадсон отпил кофе и не вмешался. Он просто смотрел на неё поверх чашки, как человек, который уже понял: иногда полезное можно услышать даже там, где по инструкции слушать не положено.

— Почему не отчим? — спросил он.

Пэм вытерла руки о фартук, бросила короткий взгляд в окно, где дождь продолжал размывать парковку, и заговорила уже тише, но от этого убедительнее:

— Потому что такие, как отчим, если срываются, делают это дома. На кухне, в сарае, в коридоре, где ребёнок не успел увернуться. По пьяни, громко, тупо и так, чтобы потом весь двор делал вид, будто ничего не слышал. А тут её увели к ручью, в дождь, в темноту, туда, где никого не будет. И не просто ударили, Хадсон. Тут не психанули. Тут выбрали место.

Билли фыркнул, но уже не так уверенно.

— Сильно сказано.

Пэм повернулась к нему и посмотрела так, что даже я почувствовал, как в воздухе стало холоднее.

— А ты записывай, пока взрослые разговаривают. Глядишь, когда-нибудь пригодится.

Я почувствовал, как у меня медленно поднимается что-то вроде уважения. Не восторг, не симпатия — с этим у меня вообще всегда было туго, — а именно уважение к тому, что Пэм хотя бы предположением дошла до очевидного.

Она бросила взгляд в мою сторону.

— Эдди, бекон не спали. Мне сегодня ещё клиентов травить не хватало.

— Не спалю, — сказал я.

Мой голос прозвучал хрипло, будто я только что проснулся, и это было хорошо. Так и надо. Сонный, помятый, безобидный Эдди у плиты — человек, которому можно доверить омлет, но не мысль.

Билли всё ещё не отставал, потому что таким, как он, всегда нужно оставить последнее слово хотя бы рядом с собой.

— То есть, по-твоему, это местный?

— По-моему, чужой бы так спокойно не прошёл, — сказала Пэм. — Он знал, где нет камер, где редко ездят, где после ливня половину следов можно будет искать до второго пришествия. И он знал, когда её можно забрать так, чтобы никто сразу не поднял шум.

На этом месте я усмехнулся, но едва заметно, настолько, что со стороны это можно было принять за тик. Вот за это я и не люблю местных. Они иногда подходят совсем близко, почти касаются края правды, а потом каждый раз отступают, потому что если сделать ещё один шаг, придётся признать слишком неприятную вещь: самые опасные люди не рычат, не бегают с безумными глазами и не выглядят как чудовища. Чаще всего они варят тебе кофе, держат дверь, чинят соседке роутер и знают, когда лучше промолчать.

— Ублюдок сейчас, скорее всего, сидит где-нибудь и слушает радио, — сказал Билли.

Он ошибался. Такой человек не обязательно сидит где-то далеко и не обязательно слушает радио. Он может стоять в трёх ярдах от тебя и смотреть, как ты сыплешь сахар в кофе, пока ты даже не понимаешь, что такое интуиция или базовый сыскной метод, жирный козёл.

Хадсон поставил чашку на стойку и посмотрел куда-то мимо Пэм, будто видел не закусочную, а карту города со всеми его грязными углами.

— Если это тот, о ком я думаю, он уже делал что-то раньше.

Билли повернулся к нему.

— Убивал?

— Не обязательно. Но с нуля так не начинают. До этого что-то было: животные, дети помладше, странные разговоры, жалобы, на которые никто не обратил внимания. Такие вещи не падают с неба.

Вот здесь мне захотелось обернуться и посмотреть ему прямо в лицо. Просто чтобы понять, кто им помогает, потому что сами они не должны были дойти до этой мысли так быстро. Но я не обернулся. Вместо этого переложил бекон на тарелку, разбил о край сковороды два яйца и спросил:

— Им как обычно?

Пэм кивнула.

Они даже не взглянули на меня, и это было правильно. На кухне всегда есть человек, которого не замечают: человек в пятнах жира и с красными глазами, часть мебели, почти как кофеварка, почти как скрипучая дверь, почти как грязное окно, через которое видно, как время медленно жрёт этот город.

Хадсон заговорил снова, уже тише, и в его голосе появилась та усталость, которую нельзя сыграть, потому что она копится годами.

— Поговори с учителями. С соседями. С кассиршей на заправке. Не с теми, кто полезет рассказывать первым, а с теми, кто обычно молчит и помнит мелочи.

— Думаешь, кто-то видел? — спросил Билли.

— Думаю, кто-то что-то помнит. Может, не машину и не лицо. Может, просто взгляд, привычку, человека, который стоял не там, где должен был, слишком долго смотрел или вдруг стал слишком разговорчивым. Иногда дело держится не на том, что люди видели, а на том, что они почувствовали и решили забыть.

Хорошая мысль. Очень хорошая, даже слишком хорошая для этой пары.

Я поставил тарелки на выдачу и вытер руки полотенцем. Иногда мне кажется, что будь мой отец всё ещё в форме, он бы понял быстро. Он всегда любил играть в охотника. Только проблема старой школы в том, что они охотятся ради закона, а закон слеп и ленив: он приходит поздно, топчется на месте, задаёт не те вопросы, а потом удивляется, почему зло опять успело уйти через чёрный ход.

Я же никогда не верил в закон. Закон нужен приличным людям, чтобы им было спокойно спать по ночам, а для подонков вроде этого существуют вещи куда понятнее.

— Эдди! — крикнула Пэм, уже возвращаясь к своим булочкам, мелочи и бесконечной войне с поставщиками. — В подсобке мешок картошки. Сам он, видимо, не дойдёт.

— Сейчас, — ответил я и пошёл в подсобку, чувствуя у себя на затылке липкое, знакомое тепло.

Это была не жалость к ребёнку и не скорбь. Такие чувства хороши для церкви, свечек и мокрых глаз на похоронах. У меня внутри поднималось другое — очень холодный, очень ясный интерес, почти голодный в своей точности. Потому что где-то в этом гнилом городке сейчас дышал человек, который решил, что ему можно, а я всегда особенно хорошо запоминал тех, кто однажды позволил себе слишком многое.

Я всегда думал, что слово «психопат» — это что-то вроде ярлыка, который вешают постфактум: уже когда тело нашли, уже когда все соседи сказали «такой тихий был». Удобное слово. Избавляет от необходимости думать, как оно на самом деле устроено. А устроено вот как.

Есть люди, которые умеют читать других — не сердцем, а глазами. Точно и холодно, как читают карту. Видят, где у человека слабина, где привычная ложь, где страх, который он сам не называет по имени. Это не магия и не интуиция. Это навык. Просто у большинства он глушится эмпатией — неловко использовать то, что видишь, потому что больно смотреть.

А если больно не смотреть — тогда и пользоваться незачем. Работаешь на одном двигателе вместо двух, и при этом летишь ровнее, потому что тебя не болтает от чужих эмоций.

Такой человек знает, какую кнопку нажать. И нажимает без того тихого внутреннего ожога, который мешает всем остальным. Именно это и делает его опасным. Не ярость, не безумие. Точность. Спокойствие. Умение стоять в трёх ярдах от тебя и смотреть, как ты сыплешь сахар в кофе, пока ты ещё только думаешь, что разбираешься в людях.

Я вытер руки о полотенце, взял мешок с картошкой и пошёл обратно. Кто бы это ни был — он здесь. И он уже знает про меня куда больше, чем знает про него весь этот долбанный участок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.